„БИБЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА“,
подъ ред. С. В. Вознесенскаго.
№ 2. ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ОТДѢЛЪ. № 2.

К. А. ПАЖИТНОВЪ.

158402

Фурьеризмъ въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ XIX в.

(„Петрашевцы“).

Цѣна 35 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Н. Н. КАРБАСНИКОВА.
1917.

„БИБЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА“,

подъ ред. С. В. Вознесенскаго.

Изд. Н. Н. КАРБАСНИКОВА.

Отдѣлъ политическій:

1) **Тхоржевскій, С. И.** Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Ц. 30 к.
2) **Лаврентьевъ, Д. К.** Что такое монархія и что такое республика и какія права должны быть у гражданъ. Ц. 25 к.
3) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Политич. свобода и соціализмъ. Ц. 45 к.
4) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое федерализмъ.
5) **Вульфіусъ, А. Г.** проф. Свобода совѣсти.
6) **Яновскій, А. Ѳ.** Глава республики — президентъ.
7) **Осинскій, М.** О гражданскихъ свободахъ. Ц. 35 к.
8) **Тхоржевскій, С. И.** Государственный строй Англіи. Ц. 45 к.
9) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Свобода и дисциплина.
10) **Ярошевскій, А. Г.,** Государственный строй Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.
11) **Динзе, В. Ѳ.** Что такое автономія.
12) **Гизетти, А. А.** Соціализмъ и индивидуализмъ.
13) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Тайна государства.
14) **Ѳедотовъ, Г. П.,** пр.-доц. Классовая борьба.
15) **Дмитріевичъ, Д. И.,** секретарь сербской миссіи. Право націи на самоопредѣленіе.
16) **Осинскій, М. А.** Церковь и государство.
17) **Клейнбортъ, Л. Н.** О партіяхъ и партійности. Ц. 35 к.
18) **Гессенъ, С. І.,** пр.-доц. Демократія и демагогія.

Отдѣлъ соціально-экономическій:

1) **Вознесенскій, С. В.** Профессіон. союзы рабочихъ. Ц. 40 к.
2) **Гудванъ, М. А.** Нормировка труда торговопромышленныхъ служащихъ. Ц. 40 к.
3) **Равичъ, С.** Примирительныя камеры.
4) **Клейнбортъ, Л. Н.** Отчего въ Россіи не стало хлѣба? Ц. 40 к.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ исторіи рабочаго законодательства въ Россіи.
6) **Клейнбортъ, Л. Н.** Подоходный налогъ.
7) **Марголинъ, С. О.** Биржи труда.
8) **Бонди, Б. А.** Аграрный вопросъ.

Отдѣлъ историко-революціонный:

1) **Поліевктовъ, М. А.,** проф. Родоначальники русской революціи — декабристы. Ц. 40 к.
2) **Пажитновъ, К. А.** Фурьеризмъ въ Россіи въ концѣ 1840-хъ год. („Петрашевцы“).
3) **Пажитновъ, К. А.** Первые соціалисты въ Россіи (русскій сенъ-симонизмъ 30-хъ гг.).
4) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Народничество и Народная Воля.
5) **Вознесенскій, С. В.** Очеркъ развитія соц.-демок. въ Россіи.
6) **Гизетти, А. А.** Основы „народническаго“ соціализма.
7) **Іорданскій, Н. И.** Земскій либерализмъ въ Россіи.
8) **Поліевктовъ, М. А.** проф. Русское земство въ борьбѣ за политическую свободу.
9) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Французская революція 1848 г.
10) **Ярошевскій, А. Г.,** пр.-доц. Парижская коммуна 1871 г.
11) **Кржевскій, Б.** пр.-доц. Якобинцы и якобинство.

Петрашевцы.

I.

Царствованіе Николая I, начавшееся съ кроваваго подавленія возстанія декабристовъ, было временемъ мрачной реакціи *) наверху и вынужденнаго застоя въ общественной жизни. Всякая оппозиція была подавлена, и страна долго не могла оправиться и прійти въ себя отъ того удара, который ей былъ нанесенъ въ 1825 г. гибелью и ссылкой многихъ сотенъ лучшихъ ея сыновъ. Но все же, несмотря на крайне тяжелыя внѣшнія условія, господствовавшія вплоть до середины пятидесятыхъ годовъ, наша интеллигенція не переставала жадно слѣдить за развитіемъ общественной мысли въ Западной Европѣ. И именно въ Николаевское царствованіе къ намъ впервые проникаютъ оттуда новыя соціалистическія идеи, которыя стали горячо обсуждаться въ узкихъ кружкахъ передовой молодежи. Первый такой кружокъ образовался въ Москвѣ еще осенью 1831 г. и во главѣ его стояли А. И. Герценъ и Н. П. Огаревъ, увлекавшіеся ученіемъ Сенъ-Симона. Въ Петербургѣ же особенное распространеніе получили въ серединѣ сороковыхъ годовъ идеи **) Фурье, дѣятельнымъ пропагандистомъ которыхъ явился Мих. Вас. Петрашевскій. Благодаря его энергіи ***) новое ученіе получило весьма широкое распространеніе, пока, наконецъ, николаевскіе жандармы не наложили на него свою тяжелую руку.

Но прежде чѣмъ перейти къ этимъ первымъ русскимъ фурьеристамъ, намъ нужно еще предварительно выяснить, кто такой былъ Фурье и въ чемъ заключается его ученіе.

Шарль Фурье (1762 — 1837 гг.) принадлежитъ къ числу оригинальнѣйшихъ мыслителей новаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ является однимъ изъ родоначальниковъ современнаго соціализма. Въ своихъ произведеніяхъ, изъ ко-

*) Реакція—возвратъ къ старому.
**) Идеи—мысли, планы, намѣренія.
***) Энергія—настойчивость.

торыхъ главными нужно считать „Теорію четырехъ движеній“ и „Новый промышленный міръ“, онъ далъ блестящую критику господствующаго буржуазно-капиталистическаго строя и заложилъ основы соціальнаго движенія, ставящаго на своемъ знамени защиту интересовъ труда. Его сочиненія долгое время не признавались французскимъ обществомъ и возбуждали насмѣшки толпы; дѣйствительно, въ нихъ встрѣчается не мало курьезовъ и нелѣпостей, которыя способны возбудить недоумѣніе даже сочувственно относящихся къ автору людей. Но эти дефекты, объясняемые недисциплинированностью ума геніальнаго самоучки, не помѣшали въ концѣ концовъ ему найти себѣ должную оцѣнку.

По ученію Фурье, современная цивилизація является промежуточнымъ періодомъ между прежнимъ варварствомъ и новымъ строемъ, основаннымъ на принципѣ ассоціаціи. Однако естественное развитіе общества въ направленіи къ лучшему будущему совершается крайне медленно, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ требуетъ оно новыя системы, которыя, подобно терніямъ, лишь обагряютъ кровью народы, хватающіеся за нихъ“.

Но этотъ медлительный ходъ развитія можетъ быть значительно ускоренъ вмѣшательствомъ человѣческаго разума, который изобрѣтаетъ нужныя улучшенія или усовершенствованія въ дѣлѣ общественнаго строительства. Такимъ усовершенствованіемъ, съ помощью котораго человѣчество можетъ въ нѣсколько лѣтъ подняться на высокую ступень развитія, и является по мнѣнію Фурье, изобрѣтенный имъ фаланстеръ или свободная кооперативная община, состоящая изъ четырехсотъ семействъ или около двухъ тысячъ человѣкъ. Въ центрѣ ея находится фаланстеръ или соціальный дворецъ, построенный со всѣми усовершенствованіями техники и со всѣми удобствами для живущихъ въ немъ—съ садами, крытыми галлереями, уставленными тропическими растеніями, библіотеками, залами для концертовъ, ванными и т. п. Каждый членъ общины выбираетъ себѣ квартиру по своему вкусу, при чемъ ему предоставляется или обзавестись собственной обстановкой или получить ее отъ общины за извѣстную плату. Точно также должно быть поставлено продовольственное дѣло: если кто хочетъ, то можетъ готовить кушанье у себя дома; но собственныя же выгоды побудятъ большинство пользоваться общественной столовой, ибо здѣсь обѣды и разнообразные и дешевые. Работы должны производиться сообща, такъ

какъ это дѣлаетъ трудъ болѣе производительнымъ и пріятнымъ. Каждый будетъ заниматься тѣмъ дѣломъ, къ которому онъ чувствуетъ склонность; если кто имѣетъ нѣсколько склонностей, тотъ можетъ мѣнять роды занятій.

При распредѣленіи общей прибыли $^{5}/_{12}$ отводится труду, $^{4}/_{12}$—капиталу и $^{3}/_{12}$—таланту. Прибыль, приходящаяся на долю капиталистовъ, дѣлится между ними пропорціонально*) размѣру внесеннаго ими капитала. Сумма же, достающаяся таланту, распредѣляется между отдѣльными лицами сообразно съ должностью или степенью, занимаемою ими въ группѣ; а такъ какъ всѣ мѣста замѣщаются по выборамъ, то вознагражденіе таланта производится на основаніи уже признанныхъ заслугъ. Что касается труда, то онъ дѣлится на необходимый, полезный и пріятный, и сообразно съ этимъ устанавливается вознагражденіе ему: самое большое вознагражденіе получаетъ первый, а самое меньшее—послѣдній. Такимъ образомъ, необходимыя работы, которыя всегда бываютъ менѣе пріятны, какъ, напр., работа каменьщика, разбивающаго камень на дорогахъ, получаютъ новую привлекательность, дѣлаясь болѣе прибыльными. Занятія же, которыя сами по себѣ доставляютъ удовольствіе, какъ, напр., трудъ какого-нибудь фокусника, пѣвца или живописца, должны быть вознаграждаемы значительно меньшей платой.

Когда будетъ основана хоть одна такая община, то люди на опытѣ убѣдятся, что все зло коренится не въ человѣческой природѣ, а въ несовершенствахъ соціальной организаціи. По ея примѣру одинъ за другимъ будутъ возникать все новые и новые фаланстеры, и такимъ образомъ мирно, безъ всякихъ потрясеній, жизнь человѣчества въ короткое время перестроится на новыхъ началахъ. Настанетъ земной рай и человѣкъ благословитъ свою судьбу...

На устройство фаланстера требовалась довольно значительная сумма—около одного милліона франковъ и, вѣря въ свое изобрѣтеніе, долженствующее осчастливить все человѣчество, Фурье въ теченіе многихъ лѣтъ каждый день въ полдень поджидалъ щедраго благотворителя, который бы предоставилъ ему нужныя средства. Онъ такъ и умеръ, не дождавшись этого, но все же къ концу его жизни вокругъ него образовался кружокъ почитателей, которые съ жаромъ стали пропагандировать новое ученіе.

---

*) Пропорціональный—соразмѣрный.

II.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ: прошлаго столѣтія идеи Фурье начинаютъ проникать и къ намъ, несмотря на строгости цензуры.

Зимою 1845—46 г. вокругъ М. В. Петрашевскаго, какъ было уже сказано, сгруппировался въ Петербургѣ кружокъ передовой интеллигенціи, который сдѣлался какъ бы центромъ духовныхъ интересовъ того времени; здѣсь собирались по пятницамъ литераторы, педагоги, чиновники, студенты и др. лица—съ тѣмъ, чтобы обмѣняться мнѣніями относительно всѣхъ животрепещущихъ вопросовъ современности. Съ осени 1848 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго читались рефераты: напр., Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій— объ ученіи Фурье, Достоевскій письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу выхода его „Переписка съ друзьями“ и т. д. Подобныя же собранія происходили и у другихъ лицъ, напр., Кашкина, Европеуса, Дурова, Плещеева, такъ что образовалось такимъ образомъ нѣсколько кружковъ, отличавшихся оттѣнками своего направленія и составомъ участниковъ, хотя нѣкоторое число лицъ посѣщало ихъ всѣ.

Несмотря на свой невинный характеръ, этотъ подъемъ общественной мысли окончился снова жестокимъ разгромомъ въ видѣ такъ называемаго „дѣла петрашевцевъ“. Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля 1849 г. было арестовано около сорока человѣкъ, всего же такъ или иначе прикосновенными къ дѣлу оказалось до 300. Въ результатѣ двадцать одинъ человѣкъ были приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни, но затѣмъ послѣдняя была замѣнена имъ каторгой (Петрашевскому—безсрочною, а восьмерымъ—отъ 2 до 15 лѣтъ), арестантскими ротами или же опредѣленіемъ въ рядовые линейныхъ батальоновъ. По поводу приговора правительствомъ было опубликовано 22 декабря 1849 г. особое сообщеніе, являющееся въ своемъ родѣ единственнымъ. „Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія испроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ,—говорится тамъ,— отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ. Но въ Россіи, гдѣ святая вѣра, любовь къ монарху и преданность къ престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго,—только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большей частью молодыхъ и безнрав-

ственныхъ, мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности".

Приговоръ поражаетъ своею суровостью и долгое время заставлялъ предполагать о существованіи какого-то заговора для „испроверженія" государственнаго строя; въ дѣйствительности же, однако, ничего подобнаго не было. По сообщенію Кузмина, шефъ жандармовъ Орловъ въ своемъ докладѣ Николаю I указывалъ, что никакого „общества" подъ предсѣдательствомъ Петрашевскаго не существуетъ, что III Отдѣленіе имѣетъ на собраніяхъ своего агента, но изъ его докладовъ видно, что ничего мало-мальски преступнаго тамъ нѣтъ: „Какъ,—возразилъ Николай I. А разговоры! Какіе разговоры, настоящія парламентскія пренія объ освобожденіи крестьянъ, уничтоженіи цензуры, заведеніи присяжныхъ; развѣ имѣютъ право эти мальчишки разсуждать объ этомъ?" Но министерству вн. дѣлъ хотѣлось видѣть въ указанномъ кружкѣ не разговоры, а заговоръ, и оно всѣми силами старалось раздуть дѣло. Это ему удалось; однако, наличность заговора не была установлена и послѣ 8-мѣсячнаго разслѣдованія. По свидѣтельству Корфа, высшія круги скоро убѣдились, что дѣло петрашевцевъ „отнюдь не имѣло такой важности, ни такого развитія, какія въ началѣ придали ему городскіе слухи... Покушеній или приготовленій къ бунту съ достовѣрностью открыто не было... Члены слѣдственной комиссіи называли его заговоромъ идей, чѣмъ и объяснялась трудность дальнѣйшихъ раскрытій, ибо если можно обнаружить факты, то какъ же уличить въ мысляхъ, когда онѣ неосуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствія". Въ томъ же духѣ отзывается и одинъ изъ пострадавшихъ, Дм. Ахшарумовъ, въ политическомъ отношеніи настроенный гораздо радикальнѣе, чѣмъ многіе другіе. „То, что въ 49 г. вмѣнялось намъ въ вину и за что послѣ восьмимѣсячнаго одиночнаго заключенія полевымъ уголовнымъ судомъ мы были приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ,—въ настоящее всемя показалось бы маловажнымъ и незаслуживающимъ никакого преслѣдованія: у насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ собы-

тіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякихъ стѣсненій".

Посмотримъ теперь поближе, каковъ же былъ характеръ идей, которыми проникнуты были участники этихъ кружковъ. На собраніяхъ—не только у Петрашевскаго, но и у Дурова и др. лицъ—часто велись разговоры объ уничтоженіи крѣпостного права, цензуры и стараго суда, но это были вопросы, въ которыхъ сходились всѣ вообще лучшіе мыслящіе люди въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ независимо отъ направленій. Мало того, черезъ нѣсколько лѣтъ правительство само поставило эти вопросы на очередь и приступило къ практическому ихъ разрѣшенію... То, что было характерно для передовой интеллигенціи конца 40-хъ годовъ, лежало не въ этой плоскости, а дальше—въ области увлеченія соціалистическими теоріями Запада, въ особенности системой Фурье. „Вмѣсто названія петрашевцевъ,—говоритъ Ахшамуровъ",—болѣе подходящимъ для насъ было бы названіе „русскихъ соціалистовъ" 1849 г., въ смыслѣ тогдашняго идеальнаго направленія различныхъ соціальныхъ ученій во Франціи".

Таковъ былъ, несомнѣнно, и самъ Петрашевскій. Какъ мы уже видѣли выше, приверженцемъ системы Фурье онъ былъ уже давно. Послѣ ареста, при первомъ же допросѣ, М. В. заявилъ, что онъ—фурьеристъ и желаетъ улучшенія общественнаго строя, что ученіе Фурье—не утопія, но можетъ осуществиться въ 5—6 лѣтъ, какъ въ это вѣрилъ и самъ авторъ „Теоріи четырехъ движеній". Въ письменномъ показаніи, данномъ черезъ нѣсколько дней, онъ снова называетъ себя и остальныхъ товарищей по заключенію фурьеристами и указываетъ, что они желали „только мирнаго развитія общественнаго быта", и что для изъясненія выставленныхъ противъ него обвиненій нужно назначеніе не слѣдственной, а ученой комиссіи, которая могла бы ихъ разобрать съ научной точки зрѣнія. Далѣе онъ писалъ, что онъ вовсе не имѣлъ „умысла на бунтъ", въ которомъ его обвиняютъ, но признаетъ, что „желалъ полной и совершенной реформы*) быта общественнаго и фаланстеръ считалъ ключомъ, пробнымъ камнемъ таковой реформы". Показанія другихъ лицъ подтверждали, что Петрашевскій, какъ это и соотвѣтствуетъ ученію Фурье, находилъ вообще

*) Реформа—преобразованіе.

нежелательнымъ бунтъ и возстаніе „черни“ и утверждалъ что всего можно достигнуть путемъ усовершенствованія законовъ. Въ позднѣйшихъ объясненіяхъ Петрашевскаго указывается, что „соціализмъ не есть изобрѣтеніе новаго времени“, а всегда былъ въ природѣ человѣка, и что „XVIII-мъ вѣкомъ заданъ на разрѣшеніе послѣдующимъ вѣкамъ вопросъ, какъ поставить человѣка въ правильное отношеніе къ самому себѣ, къ обществу, къ цѣлому человѣчеству и къ природѣ... Соціализмъ и есть попытка его разрѣшить. Фаланстеръ Фурье, т. е. организація работъ въ общинѣ, вполнѣ разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Соціализмъ вообще не есть прихотливая выдумка нѣсколькихъ причудливыхъ головъ, но результатъ развитія всего человѣчества. Это—догматъ христіанской любви, ищущій своего практическаго осуществленія въ современной намъ дѣйствительности“.

Изъ воспоминаній Зотова видно, что Петрашевскій дѣйствительно пытался зимою 1846—47 г. примѣнить свои идеи на практикѣ въ принадлежавшемъ ему поселкѣ Новгородской губ.; онъ проектировалъ выстроить одну просторную избу, гдѣ бы помѣстились всѣ семь семействъ его крѣпостныхъ, каждое въ отдѣльной комнатѣ, но съ общей кухней и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидѣлокъ, съ надворными постройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны были быть общими, какъ и все вообще крестьянское хозяйство... Однако опытъ кончился неудачно, несмотря на обѣщаніе купить заново всѣ необходимыя сельскія орудія и домашнюю утварь; наканунѣ переселенія въ „фаланстеръ“ крестьяне сожгли его со всѣми постройками.

Это, однако, не обезкуражило Петрашевскаго, и онъ еще впослѣдствіи говорилъ Черносвитову, что надѣется увидѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ... Послѣ ареста, въ числѣ мѣръ, полезныхъ для Россіи, онъ предлагалъ правительству дать для устройства образцоваго фаланстера подъ Парижемъ 2 милл. рублей ассигнаціями „изъ французскихъ фондовъ, у насъ имѣющихся, подъ соотвѣтственные проценты“.

Среди остальныхъ членовъ кружка также было немало ревностныхъ фурьеристовъ, не говоря ужъ о просто сочувствующихъ или интересующихся. Мы „восхищались сочиненіемъ Fourier и въ его системѣ, въ осуществленіи его проекта организаціи труда видѣли спасеніе человѣчества отъ всякихъ золъ, бѣдствій и напрасныхъ революцій“,—

говоритъ Дм. Ахшарумовъ о себѣ и своихъ товарищахъ по процессу. Цѣлью собраній у Кашкина было изученіе „системъ соціалистическихъ и коммунистическихъ, но преимущественно системы Фурье, и примѣненіе ихъ къ быту Россіи". Въ Дуровскомъ кружкѣ было также „нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіяхъ начало новой религіи, долженствующей будто бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуждалось на нашихъ сходкахъ. Толки о „Нью-Ланаркѣ" Роберта Оуэна и объ „Икаріи" Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи*) прогрессивнаго налога Прудона, занимали значительную часть вечера".

7-го апрѣля 1849 г., въ день рожденія Фурье, почитателями его былъ устроенъ обѣдъ, на которомъ присутствовало 11 особо избранныхъ: Петрашевскій, два брата Европеусъ, два брата Дебу, Ахшарумовъ, Ханыковъ и др.; въ качествѣ ревностнаго фурьериста былъ приглашенъ и Н. Данилевскій (впослѣдствіи видный теоретикъ славянофильства), но изъ осторожности онъ не пошелъ. Здѣсь было произнесено три рѣчи, въ одной изъ которыхъ, между прочимъ говорилось: „разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, жизнь веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ наша цѣль. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ людской отъ невыносимыхъ страданій" и т. п.

Среди другихъ фурьеристовъ отмѣтимъ еще Балласогло, который и на слѣдствіи заявилъ, что считаетъ себя коммунистомъ, и что „система общежитія, придуманная Фурье... должна рано или поздно примѣниться къ дѣлу". Слѣды вліянія французскихъ соціалистовъ сохранились во многихъ мѣстахъ произведеній и знаменитаго сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, который также посѣщалъ вмѣстѣ съ другими писателями и критиками собранія у Петрашевскаго и только благодаря высылкѣ въ Вятку не былъ привлеченъ къ дѣлу. Въ IV главѣ

*) Теорія—ученіе.

„За рубежомъ“ авторъ разсказываетъ, что, оставивъ школьную скамью въ 40-хъ годахъ, онъ примкнулъ къ западникамъ, но „не къ большинству западниковъ, которое занималось популяризированіемъ нѣмецкой философіи, а къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи, разумѣется не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабэ, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ“ не позади, а впереди насъ...“

III.

Теперь возникаетъ интересный вопросъ, каково же было отношеніе петрашевцевъ и вообще тогдашнихъ соціалистовъ къ политикѣ: считали ли они тогдашній государственный строй неустранимымъ препятствіемъ для осуществленія своихъ идеаловъ, или же вопросъ о формѣ правленія представлялся имъ несущественнымъ? Какъ извѣстно, западные утописты *) относились къ политической борьбѣ или равнодушно, или отрицательно. Сенъ-симонисты считали либерализмъ политическимъ и религіознымъ протестантизмомъ, т. е. принципомъ отрицательнымъ и потому неспособнымъ лечь въ основу новаго общественнаго строя, а ихъ журналъ „Producteur“ отрицалъ народовластіе. Р. Оуэнъ также предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ увлеченія политической агитаціей, доказывая, что завоеваніе всеобщаго избирательнаго права отнюдь не подвинетъ впередъ дѣла образованія трудовыхъ ассоціацій. По его мнѣнію, высказанному на конгрессѣ въ 1832 г., „деспотическія правительства нерѣдко оказываются лучшими, чѣмъ такъ называемыя демократическія;... по отношенію къ кооперативной системѣ совершенно безразлично, деспотично ли правительство или нѣтъ“. Между прочимъ, онъ имѣлъ наивность обращаться за поддержкой своихъ плановъ къ главѣ обще-европейской реакціи, Меттерниху и Аахенскому конгрессу государей. Фурье точно также относился къ политикѣ болѣе чѣмъ равнодушно и ставилъ себѣ въ заслугу, что онъ „одинъ заклеймилъ двадцать вѣковъ политическаго слабоумія“, выдвигая на первый планъ требованіе соціально-экономическихъ преобразованій.

*) Утописты—мечтатели, создающіе или проводящіе въ жизнь несбыточные планы.

Это настроеніе учителей не могло не отразиться и на русскихъ ученикахъ. Характерную эволюцію *) въ этомъ отношеніи пережилъ Герценъ. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ плакалъ надъ декабристами и давалъ клятву отомстить ихъ гибель; событія политической жизни Европы, революція увлекали и воодушевляли его. Но по мѣрѣ того, какъ знакомился онъ съ новѣйшими соціальными ученіями, это увлеченіе стало отходить на задній планъ. „Дѣтскій либерализмъ 1826 г., сложившійся мало-по-малу въ то французское воззрѣніе, которое проповѣдовали Лафайетъ и Бенжаменъ-Констанъ, пѣлъ Беранже, терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу... Новый міръ толкался въ дверь, наши души, наши сердца растворялись ему". Въ запискѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу о петрашевцахъ приводятся отрывки изъ черновыхъ набросковъ Петрашевскаго, гдѣ онъ высказываетъ свое политическое credo: „правленіе должно быть представительное, республиканское", но только это относится... къ 1840 г. Когда же онъ сталъ фурьеристомъ, дѣятельный интересъ, къ политикѣ ослабѣлъ и у него. „Къ реформамъ управленія, — по свидѣтельству Достоевскаго, приводимому Ор. Миллеромъ, — онъ былъ совершенно равнодушенъ; господствующей идеей его былъ Фурье, сенъ-симонизмъ, ученіе Овена, „Икарія" Кабе." „Это былъ восторженный приверженецъ всѣхъ теорій соціализма, наивно вѣрившій въ возможность ихъ осуществленія даже на русской почвѣ", — такъ характеризуетъ Петрашевскаго Зотовъ, лично его знавшій. Конечно, правовой порядокъ оставался ему дорогъ и потомъ, и когда, объясняя слово *анархія*, онъ говорилъ въ своемъ „Карманномъ словарѣ", что она „господствуетъ и въ такихъ государствахъ, гдѣ *повидимому* существуетъ и стройность, и порядокъ въ управленіи, но въ сущности нѣтъ ни прочныхъ постановленій, ни строгаго выполненія ихъ", то здѣсь на первый взглядъ можно усмотрѣть намекъ на Россію. Это предположеніе при дальнѣйшемъ чтеніи, однако, не подтверждается, и изъ объясненія другихъ словъ—напр., *оппозиція*, *національность*—можно скорѣе вывести заключеніе, что съ изданіемъ Свода Законовъ (который въ 1840 г. объявлялся имъ „негоднымъ", а теперь ставился выше иностранныхъ кодексовъ) онъ считалъ правовой порядокъ уже обезпеченнымъ. Очевидно, знаменитая фраза Свода: „Имперія Россійская управляется на твердомъ основаніи законовъ" и т. д.

*) Эволюція—послѣдовательное измѣненіе, перемѣна.

соблазнила его, и онъ принялъ ее за достаточную, какъ бы конституціонную гарантію. „Мы должны благодарить Петра и *мудрыхъ его наслѣдниковъ*, что они приблизили насъ къ идеалу государственной, общественной и человѣческой жизни, въ которой все стараются болѣе подчинить не случаю, не обстоятельствамъ, не старинѣ, а идеѣ истиннаго и прекраснаго, и что въ нашей администраціи уже нѣтъ мѣста господству привычки... и что науки, знаніе и достоинство ею руководятъ"... Это при Николаевскомъ-то режимѣ!

Правда, существуетъ мнѣніе,—которое поддерживаетъ Н. Русановъ*),—что выраженія, подобныя вышеприведенному, не слѣдуетъ принимать въ серьезъ и что ихъ нужно считать не болѣе какъ за иронію или „злое подшучиваніе". Однако трудно согласиться съ этимъ. Не говоря уже о томъ, что вообще карманный словарь, ставящій себѣ цѣлью пропаганду новыхъ идей, крайне сжатый и разсчитанный на мало подготовленныхъ читателей, является совершенно не подходящимъ для иронизированія, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ точкой зрѣнія, которая развивается авторомъ и въ другихъ мѣстахъ, что̀ несомнѣнно указываетъ на то, что ей придавалось серьезное значеніе. „Если еще понынѣ въ обществахъ, подобныхъ Турціи, Персіи...—читаемъ мы на стр. 286 словаря,—такъ трудно и невозможно сохраненіе человѣческихъ правъ, то напротивъ того въ странахъ образованныхъ, гдѣ обнародованы собранія положительныхъ законовъ, гдѣ поэтому, какъ, напр., въ Европѣ и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ относительно выраженія всякаго рода новыхъ и человѣческихъ идей, даже несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства, но безъ сомнѣнія не разрушающихъ общихъ постановленій, признанныхъ однажды на вѣки справедливыми, соблюдается полная и мудрая терпимость (см. т. XV Св. Зак. угол.)..., однимъ словомъ въ странахъ истинно просвѣщенныхъ и образованныхъ новые интересы безъ мѣръ насильственныхъ снимаютъ тяжелый покровъ идей обветшалыхъ и предубѣжденій съ разумѣнія общественнаго и пріобрѣтаютъ право гражданства въ экономіи быта общественнаго".—Здѣсь много напыщенности и витіеватости, но иронiи, мнѣ кажется, нѣтъ!..

Въ своемъ желаніи выставить Петрашевскаго ярымъ политикомъ Русановъ доходитъ до того, что рѣшается даже провозгласить его „апологетомъ самой геройской револю-

---

*) *Русское Богатство* № 2 за 1909 г.—«Изъ идейной исторіи русскаго соціализма 40-хъ годовъ».

ціонной борьбы“ на основаніи разсужденій, которыя высказываются имъ по поводу слова *оппозиція*. Вотъ это мѣсто: „прежде оппозиція при неразвитости общественности (соціальности) и публичности проявлялась у многихъ народовъ кроваво и не безъ нѣкотораго величія, ибо для иныхъ безъ потоковъ крови нѣтъ величія и величества; впослѣдствіи при развитіи у нихъ свободы выраженія мысли и права общничества (le droit d'association) и установленій, обезпечивающихъ отъ насилія личную свободу человѣка, какъ гражданина,... *оппозиція* стала болѣе правильной и мирной и послужила залогомъ преобладанія разумности надъ силой животной и грубой и торжества *самозаконія*“. Изъ этого отрывка можно вывести, наоборотъ, заключеніе о склонности автора скорѣе къ легальной оппозиціи, чѣмъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, и съ этимъ вполнѣ согласуется отзывъ о немъ Бакунина, который характеризуетъ Петрашевскаго именно какъ законника. „Въ практикѣ былъ онъ исключительно преданъ юриспруденціи... Въ Россіи, землѣ безправія, онъ помѣшался на правѣ. Но право праву рознь; есть общечеловѣческое право, которое вездѣ и всегда отстаивать должно, но горячиться изъ-за права, основаннаго на положительныхъ законахъ, тамъ, гдѣ законы подчинены самодержавному и даже министерскому произволу, смѣшно и нелѣпо“... *). Что авторъ „Карманнаго словаря“ очень сдержанно относится къ политическому движенію, видно изъ того скептицизма, которымъ проникнуто объясненіе, даваемое слову *конституція*. „Защитники этого образа правленія доказываютъ,—говорится тамъ,—что онъ основанъ на правѣ каждаго члена общества участвовать въ управленіи того цѣлаго, котораго онъ часть, но на практикѣ это начало не осуществимо въ большихъ государствахъ; вездѣ необходимость заставляетъ ограничивать число лицъ, имѣющихъ право выбирать депутата отъ провинціи или отъ сословія. А такъ какъ единственная мѣра, которою вездѣ руководствуются, состоитъ въ количествѣ имущества гражданина, то на практикѣ до сихъ поръ это хваленое правленіе —не что иное, какъ аристократія богатства.... Защитники конституціи забываютъ, что человѣческій характеръ заключается не въ собственности, а въ личности, и что, признавая политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую страшную деспотію. Двѣсти тысячъ бо-

*) „Письма Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву.“ Спб. 1906 г.

гатыхъ, управляющихъ тридцатью тремя милліонами бѣдныхъ и нищихъ—то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые, утопая въ нѣгѣ и роскоши, попирали личность милліоновъ людей, офиціально называющихся вещами".

Н. Русановъ не рѣшается сказать, что и этотъ отрывокъ нужно понимать не въ прямомъ смыслѣ, а иносказательно, хотя тонъ и духъ его совершенно таковъ же, какъ и въ большинствѣ другихъ. Не трудно видѣть, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ довольно типичными разсужденіями въ духѣ западныхъ соціалистовъ-утопистовъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что именно отъ нихъ русская радикальная интеллигенція 40-хъ годовъ почерпала свое вдохновеніе. Будучи проникнутъ убѣжденіемъ, что система Фурье можетъ быть осуществлена въ очень близкомъ будущемъ и что только отсутствіе здравыхъ понятій въ обществѣ мѣшаетъ ея распространенію, Петрашевскій естественно долженъ былъ отодвигать политическіе вопросы далеко на задній планъ, и потому показанія его, данныя слѣдственной комиссіи, что онъ вмѣстѣ со своими товарищами желалъ только мирнаго развитія общественнаго быта, кажутся мнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности. Здѣсь небезынтересно будетъ привести мнѣніе Бакунина, который познакомился съ петрашевцами во время своего пребыванія въ Сибири. „Серьезной практической цѣли,—говоритъ онъ въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Герцену,—не было (у нихъ). Кромѣ Толя и потомъ Спѣшнева, явившагося позже, всѣ были рѣшительными, систематическими противниками революціонныхъ мѣръ и дѣйствій. Они болтовню принимали за дѣло. Правда, коснулись они подъ конецъ и практическаго вопроса: „что будемъ мы дѣлать?"—Отвѣты на этотъ вопросъ были различные, одинъ нелѣпѣе другого, и наконецъ они остановились на слѣдующемъ: всѣ члены кружка останутся тѣсно между собой соединенными и, во первыхъ, будутъ quand même поддерживать въ жизни другъ друга, такъ что, напр., всѣ будутъ въ одинъ голосъ кричать, что Петрашевскій первый экономистъ въ мірѣ, выше Фурье, Сенъ-Симона и Адама Смита, что Шекспиръ Достоевскаго подметокъ не стоитъ, что Львовъ заткнулъ за поясъ Гумбольда, а Толь—первый богословъ и педагогъ въ мірѣ, а во вторыхъ—они разсѣются по всѣмъ концамъ Россіи и, отыскивая вездѣ сотрудниковъ себѣ и помощниковъ, займутся преобразованіемъ Россіи посредствомъ распространенія новѣйшихъ дознанныхъ истинъ". Съ представленіемъ о Петрашевскомъ,

какъ мирномъ пропагандистѣ-просвѣтителѣ, вполнѣ гармонируетъ и то обстоятельство, что онъ впослѣдствіи отказался отъ помилованія, упорно настаивая на пересмотрѣ своего дѣла: онъ былъ легалистомъ, а обвиненіе приписывало ему инициативу „замысла на испроверженіе нашего государственнаго устройства, съ тѣмъ чтобы основать оное на безначаліи“...

Данилевскій заявилъ на допросѣ, что февральская революція во Франціи разстроила его надежды видѣть скорое осуществленіе ученія Фурье и потому онъ пересталъ съ мая 1848 г. бывать на вечерахъ у Петрашевскаго, хотя не перестаетъ считать это ученіе справедливымъ даже теперь, когда имѣлъ много времени обдумать его. Достоевскій въ своемъ показаніи подчеркивалъ, что фурьеризмъ вовсе не требуетъ политической реформы и не посягаетъ ни на правительство ни на собственность. „Фурьеризмъ — система мирная; она очаровываетъ душу своей изящностью, обольщаетъ сердце той любовью къ человѣчеству, которая воодушевляла Фурье, когда онъ составлялъ свою систему, и удивляетъ умъ своею стройностью. Привлекаетъ къ себѣ она не желчными нападками, а воодушевляетъ любовью къ человѣчеству. Въ системѣ этой нѣтъ ненавистей. Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ; его реформа экономическая.... Наконецъ, эта система кабинетная и никогда не будетъ популярною. Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстера. Фурьеризмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая западная система, такъ неудобны для нашей почвы, такъ не по обстоятельствамъ нашимъ, такъ не въ характерѣ націи, а съ другой стороны—до того порожденіе Запада, до того продуктъ тамошняго западнаго положенія вещей, среди котораго разрѣшается во что бы то ни стало пролетарскій вопросъ, что фурьеризмъ въ настоящее время у насъ, между которыми нѣтъ пролетаріевъ, былъ бы уморительно смѣшонъ“.

Правда, при этомъ можетъ возникнуть естественное предположеніе, что подобнаго рода показаніямъ на допросѣ нельзя придавать большого значенія; но въ данномъ случаѣ Достоевскій не погрѣшалъ противъ своего убѣжденія: такъ, сообщая въ послѣдней главѣ „Дневника писателя“ за 1873 г. о томъ, что вмѣстѣ съ другими онъ также былъ „зараженъ идеями тогдашняго теоретическаго соціализма“,

онъ снова подтверждаетъ свою неприкосновенность къ политикѣ, добавляя, что „политическаго соціализма тогда еще не существовало въ Европѣ*)"...

Сюда же долженъ быть отнесенъ и Ив. Ястржембскій: „я, какъ убѣжденный послѣдователь Фурье,—говорилъ онъ, —политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ". Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ онъ вновь подчеркиваетъ, что „какъ всѣ мои знакомые молодые люди, такъ и я—всѣ мы были такъ заняты начавшимся тогда въ Европѣ соціально-экономическимъ движеніемъ (политикой въ собственномъ смыслѣ мы не занимались), что почти не обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Россіи и въ Петербургѣ".

Выше мы уже упоминали, что и въ московскомъ кружкѣ рѣзкія разногласія между Герценомъ и Бѣлинскимъ, съ одной стороны, и Грановскимъ—съ другой, произошли именно на вопросѣ объ отношеніи соціализма къ политикѣ, ибо „чрезвычайно вреднымъ" Грановскій считалъ соціализмъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ „пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея". Слабая сторона утопическаго соціализма была подмѣчена имъ правильно, и позднѣйшій такъ-наз. научный соціализмъ, начало котораго положено „Коммунистическимъ манифестомъ" Маркса и Энгельса, совершенно иначе разрѣшаетъ указанный вопросъ. Въ разсматриваемое же время и въ Германіи „истинные соціалисты" въ лицѣ Гесса и Грюна подъ предлогомъ возвышенныхъ идей о предстоящемъ соціальномъ переворотѣ проповѣдывали равнодушіе къ политической борьбѣ, утверждая, что конституціи требуютъ лишь либералы, а народъ въ ней не нуждается.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что и среди петрашевцевъ были такіе, которые совершенно иначе относились къ разсматриваемому вопросу. Сюда принадлежитъ, напр., Дм. Ах-

*) Въ романѣ своемъ „Алексѣй Слободинъ" Пальмъ воспроизвелъ Достоевскаго въ лицѣ героя и по поводу спора о политическомъ переворотѣ во Франціи вкладываетъ ему въ уста слѣдующія разсужденія: „Политическіе вопросы меня слишкомъ мало занимаютъ... мнѣ по истинѣ все равно, кто у нихъ будетъ—Луи Филиппъ или какой-нибудь Бурбонъ, или даже хоть и республика... Кому отъ этого будетъ легче? Народъ выиграетъ нѣсколько громкихъ фразъ, причтетъ нѣсколько новыхъ именъ къ своему мартирологу и пойдетъ на ту же самую работу, прибыльную только для одного буржуа, а стало быть и жизнь ни на волосъ не будетъ лучше"...—См. „Вѣстн. Европы" № 2 за 1873 г.

шарумовъ. Будучи убѣжденнымъ фурьеристомъ и считая, что только фаланстеръ можетъ спасти человѣчество, онъ наиболѣе серьезное препятствіе на пути къ этому видѣлъ, однако, въ „глупомъ, пустомъ, зломъ и сильномъ правительствѣ". Въ виду этого онъ выражаетъ мнѣніе, что, если ужъ невозможна у насъ республика, то необходима, по крайней мѣрѣ, хотя конституція, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ улучшенія общественной жизни и обезпечила бы свободу собраній...

Кромѣ него были и другіе. „Я зналъ,—разсказываетъ тотъ же Ахшарумовъ,—что между лицъ, посѣщавшихъ собранія Петрашевскаго, были и самыя отчаянныя личности, которымъ собранія Петрашевскаго, по мирному ходу бесѣдъ, казались бездѣятельными и ни къ чему не ведущими, и что они готовы были отдѣлиться и составить свой рѣшительно дѣйствующій кружокъ, но съ ними почти не былъ знакомъ и вовсе не желалъ сближаться". Въ декабрѣ 1848 г. Спѣшневымъ, на котораго намекаетъ здѣсь Ахшарумовъ, дѣйствительно, былъ набросанъ планъ тайнаго общества; въ немъ онъ предлагалъ основать центральный комитетъ, который бы въ свою очередь создалъ три частныхъ комитета: 1) для взаимной поддержки другъ друга, 2) для устройства школъ пропаганды *)—фурьеристской, коммунистской и либеральной и 3) на предметъ возстанія. Однако проектъ вызвалъ при обсужденіи (въ немъ принимали участіе Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ и Дебу) разногласія и, повидимому, главнымъ образомъ — своимъ послѣднимъ пунктомъ. Дебу отказался участвовать въ тайномъ обществѣ, посовѣтовавъ то же сдѣлать и Петрашевскому. Всѣ дальнѣйшія совѣщанія на этомъ прекратились, и проектъ былъ сожженъ. Въ общемъ, можно сказать, что даже у того меньшинства, которое подчеркивало важность политическаго момента, эта часть была разработана очень слабо, такъ что можно лишь строить догадки о томъ, въ какую форму вылилась бы ихъ программа и тактика въ окончательно сложившемся видѣ. Въ книгѣ Ахшарумова есть мѣсто, гдѣ онъ высказываетъ мысль о возможности — по прошествіи многихъ лѣтъ — образованія тайнаго общества съ политическими стремленіями изъ среды кружковъ, воз-

*) Пропаганда—распространеніе въ обществѣ извѣстныхъ взглядовъ.

никшихъ въ 1848—49 г.г.; точно также Достоевскій говорилъ впослѣдствіи, что при измѣненіи обстоятельствъ изъ петрашевцевъ могли бы выйти нечаевцы — но всѣ эти предположенія только лишній разъ убѣждаютъ насъ, что именно въ разсматриваемый періодъ соціалистическое теченіе носило ясно выраженный аполитическій характеръ...

IV.

Какъ видно изъ предыдущаго, идеи западныхъ утопистовъ нашли у насъ къ серединѣ XIX вѣка столь широкое распространеніе, что Грановскій говорилъ о нихъ, какъ о болѣзни вѣка. Жестокія респрессіи *) 1849 г. разрядили атмосферу этого напряженнаго интереса и помѣшали ему проявиться въ формѣ практическихъ соціальныхъ опытовъ, и хотя впослѣдствіи фурьеризмъ нашелъ себѣ новыхъ пропагандистовъ, но время для него уже прошло. На нашей почвѣ утопическій соціализмъ переродился въ особую, своеобразную форму и въ этомъ видѣ обнаружилъ большую живучесть, сохраняя свое вліяніе надъ умами еще въ теченіе долгаго времени послѣ того, какъ на Западѣ утопизмъ уступилъ свое мѣсто реалистическому**) міровоззрѣнію Маркса-Энгельса. Родоначальникомъ этого русскаго утопическаго соціализма является А. И. Герценъ, но — какъ это ни страннымъ можетъ показаться на первый взглядъ — фундаментъ для него былъ заложенъ нѣсколько раньше не кѣмъ инымъ, какъ крайнимъ прусскимъ консерваторомъ и тайнымъ совѣтникомъ Гекстгаузеномъ. Совершивъ въ 1843 г. путешествіе по Россіи, онъ первый высказалъ въ своей книгѣ — Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands — мысль о близости своеобразныхъ особенностей ея экономическаго строя съ новѣйшими соціальными стремленіями Запада. „Община обезпечиваетъ Россіи неизмѣримыя выгоды, такъ какъ тамъ до сихъ поръ нѣтъ никакого пролетаріата, да послѣдній и не можетъ образоваться, пока существуетъ общинный строй". Благодаря этому ей „нечего бояться тѣхъ революціонныхъ направленій, которыя въ настоящій моментъ угрожаютъ Европѣ — пауперизма, *) пролетаріата и доктринъ сенъ-

*) Репрессіи—насильственныя мѣропріятія.

**) Реалистическій—основанный на научномъ изученіи дѣйствительности.

***) Пауперизмъ—обнищаніе.

симонизма и соціализма, ибо она въ этомъ отношеніи представляетъ здоровый организмъ". „Во всѣхъ другихъ странахъ Европы глашатаи соціальной революціи подкапываются подъ богатство и собственность: уничтоженія права наслѣдства и равномѣрное распредѣленіе земли — вотъ лозунгъ этихъ революціонеровъ. Въ Россіи такая революція невозможна, такъ какъ утопія европейскихъ революціонеровъ въ этой странѣ получила въ народной жизни свое полное осуществленіе"... Не правда ли, какая удивительная страна! Но для того, чтобы прійти къ такому выводу, барону Гакстгаузену пришлось сдѣлать довольно существенную передержку: говоря о равномѣрномъ распредѣленіи земли, европейскіе соціалисты говорили вмѣстѣ съ тѣмъ и о переходѣ ея въ собственность всего народа, русская же община хозяйничала лишь на меньшей части земли, а большая часть ея находилась въ рукахъ помѣщиковъ; они говорили объ освобожденіи труда, въ тогдашней же Россіи общинные порядки совмѣщались съ эксплоатаціей крѣпостного труда. Будучи вполнѣ доволенъ современнымъ ему положеніемъ дѣлъ, авторъ мало задумывается надъ будущимъ общины; поскольку же ему приходится касаться этого вопроса, онъ вполнѣ выдерживаетъ тонъ: „невыгодныя послѣдствія этого принципа (т. е. общиннаго землевладѣнія) могутъ быть устранены многими способами, не касаясь самого принципа. Напр., они могли бы быть, вѣроятно, устранены, если бы позаботились возстановить первобытное состояніе (ursprünglicher Zustand) путемъ уничтоженія дѣлежа земли и возстановленія совмѣстной ея обработки.

Не менѣе своеобразны взгляды Гакстгаузена въ области промышленности. Благодаря ли поверхностности изученія или вслѣдствіе другихъ какихъ причинъ, но только онъ приписалъ нашимъ кустарнымъ промысламъ артельный характеръ, и въ его изображеніи они вышли „свободными промышленными ассоціаціями, напоминающими объ ассоціаціяхъ сенъ-симонистовъ". Съ незапамятныхъ временъ, — говоритъ онъ, — во многихъ частяхъ Россіи существуетъ промышленная дѣятельность, которая, опираясь на русское общинное устройство, образуетъ собою родъ національныхъ фабричныхъ ассоціацій. Послѣднія представляютъ собою въ дѣйствительности не что иное, какъ то, что сенъ-симонистскія теоріи выставили въ качествѣ образца для соціальнаго преобразованія Европы". „Чисто русской формой производства промышленныхъ продуктовъ является ремес-

ленная община, организованная въ видѣ фабрики. Цѣлыя деревни и мѣстечки, или, вѣрнѣе, всѣ жители ихъ, занимаются однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Существуютъ деревни, которыя производятъ только сапоги, другія производятъ только столы и стулья, третьи только горшки и т. д. Одно или нѣсколько семействъ работаютъ фабричнымъ способомъ, съ раздѣленіемъ труда между собою, и имѣютъ свои склады въ большихъ городахъ и на ярмаркахъ. Этотъ родъ ремесленнаго производства существуетъ повсюду въ странѣ и является чисто національнымъ". Какъ видно отсюда, говоря о ремеслѣ (Handwerk), авторъ въ дѣйствительности имѣетъ въ виду кустарную промышленность. Послѣдняя же, прежде всего, не имѣла у насъ артельнаго характера: въ основѣ ея лежитъ трудъ членовъ семьи или исключительно, или съ присоединеніемъ наемныхъ рабочихъ. Во-вторыхъ, представляя изъ себя работу на дому за чужой счетъ, кустарная промышленность является, въ сущности, лишь мелкой формой товарнаго производства, т. е. одной изъ стадій въ развитіи капитализма. Въ силу этихъ двухъ основаній — отсутствія артельнаго начала и зависимости производителя отъ посредника— какая бы то ни было аналогія со свободными промышленными ассоціаціями соціальныхъ реформаторовъ Запада представляется дѣтски-наивной. Наконецъ, въ-третьихъ, ничего „истинно-русскаго" (echtrussisches) она въ себѣ не заключала, ибо домашняя промышленность, какъ особый видъ промышленной дѣятельности, отличный отъ ремесла и фабричнаго производства и характеризующійся именно работой на дому за чужой счетъ, существуетъ повсюду и въ Западной Европѣ.

Послѣ того, что мы слышали изъ устъ Гакстгаузена относительно мелкой промышленности въ Россіи, намъ не покажутся, конечно, удивительными его воззрѣнія и въ области крупнаго производства.

Вмѣсто того, чтобы поощрять крупныя предпріятія и превратить дворянъ въ фабрикантовъ, правительство должно было бы содѣйствовать распространенію вышеуказанныхъ національныхъ фабричныхъ ассоціацій. „Почему нельзя было бы, — спрашиваетъ онъ, — при большой покорности и естественной уступчивости простого русскаго народа, основать, напр., среди государственныхъ крестьянъ хлопчатобумажныя фабрики? Мастера и руководители для фабрикъ изъ Англіи и Германіи все равно были необходимы, и основанныя дворянами предпріятія выписывали ихъ для себя,

да и теперь еще они находятся, пожалуй, на большинствѣ фабрикъ. Зданія для машинъ и самыя машины должны быть, конечно, поставлены на счетъ казны, при чемъ она могла бы для покрытія процентовъ устанавливать цѣны на пряжу, затѣмъ предоставила бы рабочимъ ткацкіе станки, научила ихъ при помощи мастеровъ обращаться съ ними и, въ заключеніе, передала бы веденіе производства стариннымъ русскимъ фабричнымъ ассоціаціямъ-общинамъ. Конечно, вначалѣ потребовались бы многократныя указанія, руководство и даже принужденіе, но при большой уступчивости и техническихъ способностяхъ русскихъ все дѣло скоро бы наладилось, и эти новыя производства быстро бы ассимилировались съ уже существующими..." То же самое и по отношенію къ частнымъ предпринимателямъ. „Въ настоящее время большинство фабрикъ работаетъ не собственными крѣпостными, а нанимаетъ рабочихъ по вольному найму и за опредѣленную плату. Если бы обязать фабрикантовъ организовать своихъ рабочихъ въ общины, взять на себя полное и строгое господское попеченіе, построить для нихъ общинные магазины, школы, больницы и т. п. и если бы запретить фабрикантамъ прогонять рабочихъ, напр., въ случаѣ старости, инвалидности и пр., безъ опредѣленныхъ, указанныхъ въ законѣ причинъ, то этимъ можно было бы избѣжать многихъ вредныхъ послѣдствій, напр. деморализаціи фабричныхъ рабочихъ".

Несмотря на эти и другія несообразности и общій свой утопическій духъ или, можетъ быть, именно благодаря этому (до тѣхъ поръ, пока экономическая критика не выяснила фактическую несостоятельность вышеуказанныхъ положеній) книга нѣмецкаго путешественника произвела большое впечатлѣніе на умы того времени. Слѣды этого вліянія замѣтны уже на нѣкоторыхъ изъ петрашевцевъ. Такъ, А. Милюковъ, разсказывая о собраніяхъ у Дурова, говоритъ: „Всѣ мы изучали (западныхъ) соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученія была цѣль благородная, онъ, однако жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ истори-

ческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги". И, по свидѣтельству Дебу, даже ревностные фурьеристы обратили вниманіе на общину, съ которою ихъ познакомилъ Гакстгаузенъ.

Конечно, радикальная интеллигенція не могла раздѣлять его мнѣнія, что у насъ въ Россіи мечты европейскихъ соціалистовъ нашли уже „свое полное осуществленіе": ужасы крѣпостного права и Николаевскаго деспотизма были слишкомъ хорошо знакомы имъ для этого. Но она обѣими руками ухватилась за высказанную имъ мысль, что благодаря указаннымъ особенностямъ своего экономическаго быта Россія стоитъ ближе къ конечному осуществленію идеала, чѣмъ западная Европа. Главнымъ образомъ, въ этомъ именно обстоятельствѣ, а не только во вліяніи западныхъ утопистовъ и неудачѣ декабристскаго движенія, и нужно — по нашему мнѣнію — искать объясненіе тому въ высшей степени важному факту, что русская соціалистическая интеллигенція на долгое время становится равнодушной къ борьбѣ за политическую свободу. Мы подчеркиваемъ слово „борьба", ибо говоримъ именно о равнодушіи къ активному вмѣшательству или содѣйствію тѣмъ конституціоннымъ стремленіямъ, которыя возникали среди русскаго общества, такъ какъ къ политической свободѣ, какъ таковой, они — само собой разумѣется — относиться враждебно не могли. О настроеніи русскихъ сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ мы уже говорили выше; столь же холодно относилось къ политикѣ и послѣдующее народничество. Западные утописты, правда тоже относились равнодушно или даже враждебно къ ней, выдвигая на первый планъ „промышленныя гарантіи" и подчеркивая важность новыхъ, открытыхъ ими путей. Если въ этомъ и заключалась одна изъ слабыхъ сторонъ утопическаго соціализма, то, во всякомъ случаѣ, напр., во Франціи, подобное отношеніе можетъ быть до извѣстной степени оправдано, какъ реакція противъ увлеченія чисто политическими переворотами, ибо завоеваніе гражданской свободы, какъ выяснилось, еще не избавляло народныя массы отъ экономической кабалы. Но въ Россіи, гдѣ все цѣпенѣло подъ мертвящимъ гнетомъ абсолютизма, для такого объясненія не было мѣста, и нужны были какія-то особенныя, чрезвычайныя обстоятельства, чтобы среди передовой интеллигенціи

могло укорениться подобное отвращеніе къ политикѣ. Этимъ чрезвычайнымъ моментомъ и было распространеніе догмата объ особомъ пути развитія Россіи: благодаря существованію общины и артелей послѣдняя можетъ, минуя промежуточныя стадіи, прямо приступить къ осуществленію полнаго соціальнаго переворота, который уже одновременно разрѣшитъ или сдѣлаетъ излишними многіе изъ тѣхъ вопросовъ въ области политической жизни, надъ которыми билися и бьется Западъ.

Мысль эту прекрасно выразилъ впослѣдствіи Герценъ въ своемъ обращеніи къ Эдгару Кине: „мы—народъ, иначе понимающій земельную собственность; для васъ соціализмъ былъ заходящимъ солнцемъ, для насъ — восходящимъ. Мы шли за вами, пути наши пересѣклись, и снова пойдемъ не по одной дорогѣ—вы пролетаріатомъ къ соціализму, мы соціализмомъ къ свободѣ“ *).

Окончательное сформированіе этого взгляда относится уже къ пятидесятымъ годамъ.

*) См. „Колоколъ“ № 210.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ва „Н. П. КАРБАСНИКОВЪ“
ПЕТРОГРАДЪ, Гостиный дв., 19. | МОСКВА, Моховая, 24.

Типографія Кюгельгенъ, Гличъ и Ко. Петроградъ, Екатерингофскій. пр., 87.